

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Язык обладает удивительной способностью отражать явления окружающей действительности в соответствии с языковым сознанием автора, определяя особенности функционирования грамматических форм в различных условиях общения. Как никакой другой, художественный текст характеризуется особой грамматикой, особыми правилами словоупотребления и синтаксиса, особой семантикой, в результате чего складывается один из «возможных миров», представленный как особая социальная данность. Интерпретация художественного текста связана с синтаксическим значением грамматических форм и конструкций, с их бесконечной вариативностью и изменчивостью, что способствует организации смысловой «ткани» произведения. Именно грамматические формы и сочетательные возможности слов обеспечивают в некоторых случаях большую выразительность и эмоциональность художественного восприятия, нежели лексические средства, так как ситуативная прикрепленность влияет на вариативное многообразие грамматических характеристик языковых единиц. «Художественный текст, – писал Ю.М. Лотман, – сложно построенный смысл. – Все его элементы суть элементы смысловые» [5, с. 19]. Поэтому любые отклонения от существующих норм языка в художественном произведении следует рассматривать как средство актуализации смысла, носящее не случайный, а закономерный характер, что особенно важно при обучении иностранному языку.

При анализе художественных произведений важным является установление функциональной зависимости разноуровневых языковых единиц, участвующих в формировании содержательной структуры текста. В этом плане функциональная грамматика, расширяя границы традиционной грамматической теории, становится по своей природе структурно-интегрирующей [7]. «То, что «забывается» в слове-понятии, – писал А.А. Потебня, – поглощается новым значением, становится стилистическим средством в художественном сравнении-параллелизме. Это качественно меняет внутреннее содержание образа художественного» [6, с. 14]. В художественном тексте любые текстовые единицы являются семантически осложненными, что влияет на его интерпретацию. Поэтому категория имплицитности, связанная, прежде всего, с синтагматическим уровнем членения текста, при интерпретации текста представляет определенные трудности, поскольку является чисто ассоциативной. Авторские коды, которые реализуются по метафорическим либо метонимическим моделям, заставляют читателя «включать» свою культурную память, свой ассоциативный потенциал как дешифратор авторского замысла.

При изучении языка именно художественный текст выступает одним из критериев отбора языковых единиц, вербализующих представления определенной лингвокультурной общности, что очень важно при обучении филологов. Поэтому культурологический и социальный аспекты, предполагающие совокупность знаний и навыков, обеспечивающих применение языка в целях общения, и свидетельствует о коммуникативном совершенстве речи. Социальную значимость коммуникативной лингвистики (следовательно, и художественной литературы) хорошо определяет Г.В. Колшанский: «Лингвистика, изучающая речевую коммуникацию в обществе, становится не только наукой, имеющей свой внутренний смысл <...>, но и наукой, решающей задачи, связанные с повседневной деятельностью человека во всех сферах жизни, то есть практические задачи, нацеленные на обеспечение взаимопонимания между людьми. В этом плане коммуникативная лингвистика является одной из важнейших социальных дисциплин, которая содействует жизни общества» [3, с. 174].

Смысл художественного текста связан с эмоционально-эстетическими представлениями, формирующими отношение автора к миру. Но как сформировать у читателя, не владеющего презумпцией эмотивных речевых актов, эмоциональное восприятие, которое определяется личностно-социальным опытом автора и еще в большей степени читателя. Как утверждает С.В. Коростова, «эмоция представляет собой способ понимания мира, а репрезентация эмоционального состояния в художественном тексте имеет своей целью изменить отношение к миру» [4, с. 103]. Актуализация эмотивно-оценочных смысловых доминант текста, связанная с уровнем коннотативного приращения смысла (например, желательность/нежелательность того или иного события, согласие/несогласие как эмоциональная реакция на событие/поступки героев) – это составляющее эмоционального состояния читателя. Кроме того, «значение изолированного слова, – указывает А.В. Вдовиченко, – феномен полностью синтаксический. Его наличие предопределяется употреблением данного слова в описании представляемой коммуникативной ситуации. Значение отдельного слова оказывается интегрированным в конкретную коммуникативную ситуацию (с точки зрения языкового субъекта – в конкретную прагматическую синтагму). Иными словами, лексического значения, которое было бы свойственно изолированному, изъятому из коммуникативной ситуации слову, не существует вовсе. И поскольку главный институциональный признак слова – лексическое значение – оказывается неизбежно синтаксическим в смысле дискурсивного (прагматического) понимания синтаксиса, не является самостоятельным и слово как таковое» [2, с. 113].

Наиболее продуктивный способ расширения языковых ресурсов, способ обогащения речи представляет метафора. «Человек не столько открывает сходство, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – сколько создает его», «особенности

сенсорных механизмов и их взаимодействие с психикой позволяют человеку сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое» [1, с. 9]. В.И. Шаховский указывает: «Человек переживает то, что отражает» [8, с. 7]. В художественной речи метафора употребляется сознательно, получая особое задание – воздействовать на сознание читателя. Разумеется, сила подобного воздействия находится в зависимости от того, насколько органичны и убедительны живущие в том или ином тексте сравнения и метафоры. Здесь многое зависит от вкуса автора, от степени владения родным языком, от теоретических убеждений пишущего, от эпохи, в которую создается произведение. Сравнивая обычную речь с поэтической, читатель обращает внимание на ассоциативную природу коннотативных значений языковых средств, несущих образность. С этой точки зрения, метафорическая модель выразительности любого текста как основа его интерпретации позволяет сделать восприятие более наглядным, более ярким и глубоким. Поэтому формирование эмоционального поля читателя – важный результат работы с художественным текстом.

Система языка – это не только его грамматическое устройство, но и его функции. «Системные языковые связи разноуровневых единиц художественного текста отражают общий механизм корреляции функционально-семантических полей эмотивности, оценочности, интенсивности, определяемый представлениями о реальной действительности...» [4, с. 111]. В языке художественной литературы эстетическая функция завоевала себе важные и прочные позиции. Поэтому метафора и сравнение как художественные ресурсы языка, выступая в определенной системе, эстетически воздействуют на читателя, создавая возможность многомерных интерпретаций художественного текста.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.
2. Вдовиченко, А.В. Интертекстуальность и дискурсивно-лингвистический подход к тексту. Иудейские и христианские тексты III века до н.э. – II века до н.э. / А.В. Вдовиченко // Языкознание : взгляд в будущее / под общ. ред. проф. Г.И. Берестнева. – Калининград : Калининград. гос. ун-т, 2002. – С. 106–115.
3. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
4. Коростова, С.В. К вопросу об эмотивности художественного текста / С.В. Коростова // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах. – Ставрополь, 2013. – С.102–111.
5. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 383 с.
6. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1980. – 344 с.
7. Теория функциональной грамматики. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.

8. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: уч. пособие / В.И. Шаховский. – Волгоград, 1983. – 94 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ